

Несмотря на то, что начальник КВЖД генерал Хорват распорядился запретить торговлю спиртом на линии КВЖД, ликвидировать находящиеся там спиртные заводы не удалось. Принимая во внимание, что русско-китайское соглашение от 7 июня 1916 г. не распространялось на иностранных подданных, производство и торговля спиртом продолжилась под фиктивным руководством. Таким образом, запрещение торговли вином, водкой и спиртом не достигло своей цели. Для торговли спиртными напитками были закрыты только буфеты и рестораны в полосе отчуждения КВЖД.

Юридическое решение проблемы лежало в присоединении к русско-китайско-монгольскому антиспиртовому соглашению Японии и европейских держав, союзников России по Антанте.

Но как свидетельствует телеграмма от 1 мая 1917 г. посла в Токио Крупенского за № 187, дипломатические попытки России в этом направлении не увенчались успехом. Так, посол доносил в МИД России: «На мои повторные настояния о скорейшем присоединении Японии к русско-китайскому соглашению о спирте Министр Иностранных Дел (Японии), отметил затруднения, которые встречаются в этом деле, в виду необходимости поступиться в данном случае дарованными японцам в Китае правами, просил указать конкретные случаи участия японцев в качестве подставных лиц в торговле, а равно цифры касающиеся ввоза контрабандного маньчжурского спирта в Россию. Виконт Мотоно сказал мне, что эти данные облегчат задачу улаживания этого дела. В виду сего прошу сообщить мне эти данные» (*Там же, л. 53*).

Таким образом, в период с 1913 по 1916 гг. российское правительство, столкнувшись с контрабандой спирта на Востоке империи, заключило соглашение с Монголией и Китаем о совместной борьбе с контрабандистами, в своей основе россиянами. Но нежелание других политических акторов региона — Японии, европейских держав, вступить в соглашение трех стран относительно запрещения производства и продажи спирта, привело к тому, что спиртовые заводы были формально переданы в руки японских и европейских подданных, пользовавшихся в Китае правом экстерриториальности. С этих заводов, спирт контрабандно продолжал поступать в Россию вплоть до революционного 1917 г.

В.В. СИННИЧЕНКО
А.И. КОРОБЧЕНКО

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ИРКУТСКОЙ ТАМОЖНИ

В 1861 г. в истории российской таможни на дальневосточных окраинах империи произошло важное событие. В связи сведение режима

«порто-франко» в Приморье и 50-верстной полосе русско-китайской границы, таможня была перенесена из пограничного города Кяхта за пределы таможенной линии в столицу Восточно-Сибирского генерал-губернаторства г. Иркутск.

Как сообщал 8 октября 1861 г. Кяхтинский градоначальник Деспот-Зенович — и.д. генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Карсакову: «30 сентября в 12 часов ночи Кяхтинская таможня окончив все свои распоряжения по переводу таможни в Иркутск прекратила свои действия и вместе с тем одновременно мною были сняты все таможенные посты и заставы — и открыты временная Комиссия и временное Казначейство (ГАИО, ф.153, оп.1, д.2, л.8).

Ликвидационная комиссия кяхтинской таможни работала на протяжении года и в период ее действия периодически возникали вопросы — имеет ли право кяхтинский градоначальник по прежнему осуществлять таможенные действия, до каких пунктов беспошлинно ввозятся китайские товары, по какому тарифу облагаются пошлиной поступавши за пределы действия «порт-франко» товары европейского происхождения и пр. Одним словом, кяхтинский градоначальник некоторое время оставался активным участником таможенной политики России в регионе.

Так, 2 ноября 1861 г. Кяхтинский градоначальник писал М.С. Карсакову: «На предписание Вашего Высокопревосходительства от 28 октября № 1826, имею честь донести, что я со своей стороны не нахожу ни надобности, ни основания устанавливать какие либо ограничения или особые правила относительно розничной торговли в Кяхтинском градоначальничестве. С 1-го октября продажа чая производится свободно. Существующими узаконениями (254, 307, 349 ст. и прил. к ним Устава Торгового, т.11), положительно дозволена свободная розничная продажа чая и, кроме того, по Пекинскому договору 2 ноября 1860 г. китайским подданным разрешено производить у нас торговлю без всяких стеснений и ограничений» (Там же, л.52–53).

Безусловно, такая, благоприятная для китайских предпринимателей, позиция кяхтинского градоначальника, беспокоила местных торговцев. Поэтому русские торговцы, уплатившие гильдейскую пошлину, просили или освободить их от ее уплаты или ограничить деятельность китайцев, начавших вести торговые операции в российском приграничье.

Однако эта инициатива на первых порах была отклонена. По мнению Кяхтинского градоначальника, «...поскольку китайцы оживили торговлю и сбили цены, что порадовало потребителей Троицкосавска, Кяхты и Забайкальского края, нет смысла жертвовать интересами беднейшего и трудолюбивого населения здешнего в пользу немногих лиц, подписавших докладную записку».

Если ограничивать китайцев, отмечал местный чиновник, то те перестанут привозить не только чай но и овощи, что при отсутствии в Троиц-

косавске огородов и при том что овощи поступают только из Маймачена осенью вызовет весной недовольство горожан.

Кяхтинский градоначальник подчеркивал: «Запрещать китайцам мелочную и развозную торговлю в Троицкосавске на том, основании, что русские не производят таковой в Маймачене, можно было бы тогда, если бы со стороны местного китайского начальства подобная торговля была бы запрещена, да и то в том случае если бы эти репрессии не уничтожили выгоды от торговли» (*Там же, л. 54–57*).

Отметим, что новая таможенная линия, которая с 1861 г. «защищала» интересы российских купцов начиналась от селения Листвиничного, там находилась застава и проходила оттуда по Замарацкому тракту до Иркутска.

Как отмечалось в письме Министра Финансов генерал-губернатору Восточной Сибири, правительство Российской империи решило в 1861 г. «не предоставляя Иркутску, порт-франко разрешить пропуск (в собственно г. Иркутск) беспошлинно по Азиатской торговле все вообще китайские товары, за исключением чая, который должен быть оплачиваем пошлиной, хлебных вин и водок. Постановить, чтобы в случае привоза европейских и колониальных товаров, доставленных в порты Приморской области Восточной Сибири и Амурской области иркутская таможня руководствовалась общим с европейским торговым тарифом. Предоставить генерал-губернатору Восточной Сибири, чтобы в пунктах производства пограничного торга не было пропуска через границу снарядов, оружия, пороха» (*Там же, л. 131*).

Возложение на разных лиц дела охраны границы — генерал-губернатора, начальника таможни и до ликвидации кяхтинского градоначальника, породило конфликт.

В письме министра финансов генерал-губернатору Восточной Сибири от 13 декабря 1861 г. говорилось о неправомерном вмешательстве Кяхтинского градоначальника в дела не подчиненной ему иркутской таможни.

Отмечалось, что начальник таможенного округа, как лицо, состоявшее в ведомстве Министерства Финансов не подотчетен МВД, а наблюдение за прохождением товаров через Иркутскую таможню, даже визированных градоначальником, необходимо потому, что, во-первых, некоторые из русских товаров остаются до сих пор запрещенными к вывозу, и их необходимо задерживать, а, во-вторых, в числе иностранных товаров могут быть тайно привезенные чрез европейскую границу, не имеющих на себе пломб выпускных таможен.

Но не только временное противостояние с кяхтинским градоначальником беспокоило таможенное управление. В начале 60-х гг. XIX в. начальнику иркутского таможенного округа было необходимо определить структуру таможенных подразделений.

В эту ситуации на него активное влияние оказывали другие региональные властные структуры. Так, Иркутский губернатор 5 мая 1862 г. сообщал председательствующему в Совете Главного управления Восточной Сибирью, что пост в селе Голоустром бесполезен, так как проезд для казаков туда затруднителен, а контрабанда через село не идет. Поэтому, отмечал губернатор: «...сотник Головин испрашивает моего разрешения на перемещение казаков на летнее время в станицу Кузьминскую и селение Пивоварское, а часть в город Иркутск, для разъездов в его окрестностях, так как во время навигации и судоходства по Ангаре, в этих местах легко могут быть выгрузки и нагрузки контрабандных товаров на частные суда» (*Там же*, л.121–122).

Признавая справедливым это заключение, начальник таможенного округа, приказал разрешить ему разместить казаков с поста Голоустрого и Мотскаго в станицу Кузьминскую, село Пивоварское, а часть казаков содержать в Иркутске для разъездов в его окрестностях.

Вообще проблема борьбы с контрабандой стала основной в деятельности Иркутской таможни 70–90-х гг. XIX в.

В середине 70-х гг. XIX в. в зимнее время когда начиналась транспортная перевозка товаров через Байкал по льду контрабанда шла следующим путем: во-первых, в незначительном количестве в обход Куретского поста, по Ангинской пади, а во-вторых, в значительном количестве по зимнему пути от улуса Чарми через деревню Бирюльки на село Качургское на Якутском тракте. По секретным сведениям эта контрабанда шла преимущественно во время действия Верхнеудинской (Ула-Удэ) ярмарки, когда из Верхнеудинска приходили в Иркутскую губернию обозы с различными русскими товарами и в этих обозах привозились и контрабандные китайские чаи.

За первым из означенных путей Куретскому посту было легко наблюдать, если постовые были достаточно бдительными.

Что же касается второго пути, то по отдаленности его от Куретского поста, наблюдение за ним со стороны таможенных служб было затруднено.

Так, еще 12 сентября 1872 г. управляющий Иркутской таможней доносил Председательствующему в Совете Главного управления Восточной Сибирью, что таможенная линия от вторжения охраняется 42 казаками. Ежегодно казаки не знакомятся, ни с местностью, которую охраняют, ни с требованиями таможенной службы. Десятилетний опыт существования охраны казачьей стражи на линии, — по мнению таможенника, — служит ясным тому доказательством, так как в течение этого времени не было ни одного случая открытия, задержания и преследования контрабанды. Между тем ввоз контрабандных товаров в черту таможенной линии существовал и в 1871 г. командированные таможенные чиновники задержали только на Куретском посту 28 пудов китайского чая.

В связи с этим начальник таможенного округа предлагал привлечь к наблюдению за таможенной линией земских исправников и старшин волостей, которых можно было бы вознаграждать за поимку контрабандного товара, после его реализации через аукцион.

Стремясь противостоять контрабанде из Забайкалья директор Департамента таможенных сборов на основании п. 5 ст. 2 Таможенного устава ежегодно назначал Начальнику Таможенного Округа кредит на секретные расходы на преследование контрабанды. Так, на 1883 г. было ассигновано 180 р.

Во время ассигнования директор Департамента просил главу иркутской таможни сообщить сведения о том, «насколько делаемое ежегодно в одном и том же размере ассигнование этих средств представлялось целесообразным и соответствующим действительной потребности в них». Начальник таможенного округа обязывался по истечении каждого года доставлять в Петербург сведения «о том, насколько ассигнуемая сумма представляется достаточной, и в случае признания необходимости ее увеличения, те данные которые приводят к такому заключению» (*Там же, д. 70, л. 6*).

На следующий 1884 г. директор Департамента просил сообщать о случаях контрабанды и видах их транспортировки — «...в карете, в дровах, которые перевозятся в вагонах поездов, по весу перевозимых в поездах товаров, по нарушению пломб и подделке таможенных пломб» (*Там же, д. 76, л. 1–12*).

Региональные власти сообщали в центр результаты своего розыска контрабанды. Так, в 1885 г. они докладывали: «Имеются частные сведения, что из Кяхты в Тункинский край проложен ныне через селение Гужир несуществовавший, будто бы прежде, по речке Дзунмурин зимний путь, по которому провозиться контрабанда и что по этому пути в начале будущего февраля предполагается привезти партию чая в Тунку» (*Там же, д. 92, л. 2*).

Вследствие этой информации была отправлена группа таможенников в селение Гужир с целью задержания контрабанды.

5 февраля 1885 г. надзиратель Кяхтинской таможенной заставы, доносил о результатах этой экспедиции управляющему Иркутской таможней: «По получению предписания направился в Гужир взяв с собой казака. Выяснил, что по реке Дзунмурин существует зимний путь, по которому в зимнее время отправлялась большая партия контрабандных товаров в Маймачен. На наши кредитные билеты обменивался черный чай и китайское ямбовое серебро» (*Там же, л. 4*).

«Получив эти сведения и пробыв в Гужире с 2 по 3 февраля и узнав, что контрабандисты еще не отправились за контрабандой по случаю бурятского праздника «белой лошади» я отправился обратно в Култук, чтобы не подать повода в подозрении. Когда же получил сведения о ввозе

контрабанды вторично въеду в Гужир, за местных стражников не могу ручаться, так как они соучастники контрабанды» (*Там же, л. 5*).

Итак, соучастие лиц привлеченных к таможенной службе в контрабандных операциях, или их преступное бездействие при исполнении служебных обязанностей с самого начала беспокоило таможенные власти. Особое порицание вызывало у таможенников поведение казачьего отряда, привлекаемого для охраны таможенной линии.

Е.А. СТРЕКАЛИНА

ИЗ ОПЫТА АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЛОСТНЫХ ПРАВЛЕНИЙ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ В XVIII–XIX ВВ.

На протяжении XVIII–XIX вв. правительство неоднократно реорганизовывало административно-территориальное устройство Сибири. Целью всех преобразований был поиск оптимальных систем управления, более жесткая централизация и субординация, стремление к законности и правопорядку. Осуществляя реформы, правительство неизменно рассматривало Сибирь как неотъемлемую составную часть Российской империи. Но в XIX в. нижней административно-территориальной единицей остается волость.

Волостное управление как исполнительного органа, имеющий характер контрольно совещательного учреждения, состоял из следующих лиц:

- волостного головы и старшины;
- сельских старост;
- сборщиков податей;
- писаря.

На деле волостное правление продолжало оставаться орудием высших административных инстанций. Если посмотреть наказания, которые достаточно подробно регламентировали действия местной администрации и трудовой жизни крестьянина, найдется не мало свидетельств и подконтрольности их не только в этих сферах, но вплоть до сугубо личной жизни. Например, с 12 июня 1889 г. было установлено обязательным утверждение волостных приговоров органами надзора, по которому земские и волостные начальники могли подвергаться со стороны должностных лиц волости без формального производства выговорам, штрафам до 5 р. и аресту до 7-ми суток.

Волостной голова мог быть назначен только из благонадежных крестьян, его кандидатура утверждалась министром гос.имуществ. Уволить голову можно было только с разрешения начальника губернии.